

Вместо заключения:

«Нам с тобой на свете этом в каждом деле быть поэтом»

Из книги «Экстремальные состояния Льва Альтшулера»

В этих заключительных личных заметках о моем отце я в какой-то мере постарался дополнить то, что осталось «за кадром» других воспоминаний. Двустихие, которым озаглавлена эта статья, принадлежит Льву Владимировичу Альтшулеру (Л.В.А.) – из его письма В.А. Цукерману, из Москвы в Саров, 70-е годы. Роль, которую стихотворное слово и вообще литература играли в жизни Л.В.А. переоценить невозможно. Типичная картинка из детства: отец в свободную минуту садится с книгой на диван, открывает ее наугад и погружается в чтение, отключается. Но часто читал и вслух – стихи или, например, интересные отрывки из статей постоянно им читаемой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, которую он в 50-е годы купил в букинистическом магазине в Москве и привез в Саров. Пытался он привить страсть к чтению и своим детям, но в отношении меня не очень в этом преуспел. А вот любовь к стихам, к декламации стихов «в свое удовольствие», я, конечно, унаследовал от него, хотя наизусть помню гораздо меньше. Так же как именно отец еще в школьные годы пробудил во мне интерес к фундаментальным проблемам квантовой механики и теории относительности. И в горы на Кавказ, в Бакуриани и еще выше я впервые попал вместе с ним и мамой в 13 лет в 1952 году. Горы были его страстью, что, конечно, не оригинально («Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал», - В. Высоцкий); невозможно сосчитать, сколько было у Л.В.А. этих горных отпускных поездок–походов, как правило, вместе с кем либо из сыновей.

О литературных пристрастиях Л.В.А. – в статьях О.В. Басовой и особенно Т.Ф. Костиной, которая волею судеб в течение более 10 лет (с 1992 года, когда отец постепенно начал терять зрение, и до его кончины в 2003 году) читала ему вслух по его «заявкам». Разумеется Л.В.А. - «дитя» эпохи своей молодости – 20-30-х годов, отсюда и любовь к гражданской поэзии. Но при всем при том стихи Пушкина и Лермонтова всегда были главным объектом его внимания, звучали дома постоянно; об этом вспоминают и его коллеги по ВНИИЭФ и другие. Очень он любил запрещенного в СССР Николая Гумилева («Надвигалась ночь, догорал камин / Руки на груди, он стоял один...»); «По полярным морям и по южным...»). И много чего другого.

Любопытно одно из его поздних воспоминаний о посещении вечера Маяковского в Политехническом музее в конце 20-х. После чтения стихов были вопросы. На выкрик одной девушки: «Мы вместе с подругой ничего не поняли» Владимир Владимирович ответил: «Надо лучше выбирать себе подруг». А когда в конце вечера народ толпой ринулся в гардероб, Маяковский громко заявил: «Погоня за чужими галошами к добру не приведет».

В его молодежной компании 30-х годов, еще до знакомства с Марусей Сперанской, была и Вероника Тушнова. Отец не раз об этом вспоминал в том контексте, что была она очень красива и ему сильно нравилась. В компании Левы, Вени (Цукермана) и Зины (Азарх) была и Нюся Явнзон, впоследствии архитектор, художник, по ее проектам строились комплексы зданий ВУЗов во многих республиках СССР, также по ее проекту в 1966-1967 гг. построен главный корпус Московского физико-технического института. Сейчас (в 2009 г.) Анне Вениаминовне 94 года, она продолжает писать, регулярно проходят выставки ее картин. К 90-летию Л.В.А., 9 ноября 2003 г., она передала ему большое письмо, в котором многое вспоминает из прошлого, а в конце пишет: «Нужно радоваться отведенному нам долголетию. Хорошее настроение и бодрость духа – гроза всем болячкам». Такой жизненной энергии полезно поучиться.

С мамой отец познакомился, поскольку они работали в одном и том же Московском вечернем машиностроительном институте, а потом и в одной лаборатории В.А. Цукермана. В архиве со-

хранилось письмо отца ей из Крыма в Москву (Хлебный пер. 2, кв. 37), датированное 26 июля 1937 года, в котором он еще обращается к ней на Вы: «Милая Маруся, здравствуйте...». Письмо написано на второй день его приезда в крымский дом отдыха «Меллас», оно очень подробное и называется «Разговор 1-й». Поженились они 25 июня 1938 г., но своим родителям об этом не объявляли. Зоя Дегтярева (подруга Маруси и Тани Сперанских еще со времен их жизни на Смоленщине; мама Зои в Батношково была сторожихой, ее там все смертельно боялись) вспоминала, что Парфений Львович как-то ее спросил: «Что-то Лева к нам зачастил?». А она в ответ: «А вы разве не знаете, что они месяц назад расписались?!». Отец всегда смеялся, вспоминая этот разговор.

Из «не смешных» воспоминаний Л.В.А. – то, что ему рассказывал, уже после войны, о своих студенческих годах в начале 30-х муж Ани Бакановой (подруга сестры Ольги, о ней говорится в Воспоминаниях С.В. Альтшулера, не путать с А.А. Бакановой, сотрудницей Л.В.А. по ВНИИЭФ) Александр Иванович Коровкин, позже директор большого совхоза под Харьковом: послали их – харьковских студентов, как обычно, помогать летом убирать урожай, а убирали они с деревенских улиц трупы. По всей Украине стояли полные зерном элеваторы, окруженные войсками, приказ был стрелять в каждого, кто попытается приблизиться. Так исполнялось негласное указание Сталина «поморить Украину голодом». Впрочем, теперь это всё хорошо известно, как и то, что в коллективизацию Сталин морил голодом не только Украину, но и Поволжье, и центральную Россию. Александр Иванович – твердокаменный коммунист, герой войны, осуществлял связь с партизанами, много раз переходил линию фронта. С отцом у них было взаимопонимание в отношении абсурдности учения Лысенко («Что же, – говорил Александр Иванович, – если у меня нога искалечена ранением, то и дети будут рождаться с такой ногой?»). Рассказывал он и о том, как осуществлял партийное поручение по раскулачиванию в присоединенной к СССР Молдавии. Правда, при этом говорил, что намеченных к отправке в Сибирь зажиточных крестьян он предупреждал, чтобы они брали инструмент, другие вещи, а потом с некоторыми из них долго поддерживал контакт, переписывался.

Многое я узнал об отце, готовя эту книгу, многое вспомнилось. Например, дорогого стоит извлеченный Б.В. Левиным из небытия рассказанный ему Л.В.А. эпизод о важном совещании с руководством в Арзамасе-16, когда ему предложили заняться новой оборонной тематикой, а он сказал: «Это вопрос непростой, и я должен посоветоваться с женой Марией Парфеньевной». И он не шутил, он действительно советовался с мамой по важным вопросам.

Но шутку он очень любил и всякие приколы, иногда весьма рискованные. Так летом 1953 года, когда они с мамой были в отпуске в Сухуми, обедая в приморском кафе, он решил угостить вертевшегося там пса и стал его подзывать: «Коба, коба, коба!». Смертельный номер, если учесть, что Коба – главный революционный псевдоним недавно скончавшегося Вождя и Учителя, и все грузины отлично это знают, и отец это знал. К счастью, никто не обратил внимание. Много был всяких шуток, в основном, все-таки невинных. Очень любил анекдоты про докторов и лекарства, особенно когда стал много болеть. А, прочитав где-то, что патагонцы Южной Америки после обряда убийства дряхлых стариков их съедали, тут же сказал, что надо написать Хрущеву об этом прогрессивном опыте, сулящем государству двойной выигрыш: и на пенсиях экономия, и продовольственная проблема решается.

О различных «политических» высказываниях Л.В.А. ходили легенды. Он действительно был человеком мгновенной, «экстремальной» реакции, когда сталкивался с несправедливостью, подлостью или вопиющей с его точки зрения глупостью. И, как говорится, за словом в карман не лез, и умел выразить свои мысли предельно ясно и жестко (его любимое Маяковского: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат»). А также у него были свои продуманные позиции по общественным вопросам, во многом, конечно, основанные на тех социалистических идеалах, которые вдохновляли его отца – активного участника революционного движения в России, и которые формально были

основой советской идеологии. Л.В.А. по-настоящему бесили отступления от этих первопринципов, особенно когда он лично с этим сталкивался. Например в 1946 году: «Покажите мне, где в Уставе вашей партии написано, что рабочие должны голодать?» (см. подробнее в интервью Л.В.А. 1990 г. «Так мы делали бомбу»).

А вот эпизод, о котором он почему-то вспомнил и рассказал мне уже в новые времена: 6 апреля 1946 года. Справляется день рождения В.А. Цукермана в Мансуровском переулке (что соединяет Пречистенку с Остоженкой, жили они с отцом неподалеку друг от друга, потому и оказались в 1928 году в одной школе). За столом много родственников и друзей. Незадолго перед этим закончился Нюрнбергский процесс. Л.В.А. произносит тост: «Я счастлив, что дожил до того момента, когда повесили нацистских вождей. Я надеюсь дожить до нашего Нюрнбергского процесса». (Реакция В.А. Цукермана, члена ВКП(б), между прочим: «Ну, Левка, как всегда, треплет языком», и всё, и никто не донес, такая это была компания, такие люди! А ведь тост по тем временам был самоубийственным, тем более что квартира коммунальная). Я спросил отца: «Ведь ты же верил в Революцию, в социализм и коммунизм. Почему такая предельно жесткая формулировка?». Он пояснил, что конечно верил, но не мог простить явных, нанесших огромный ущерб делу строительства социализма глупостей и преступлений – коллективизации, уничтожения перед войной высшего комсомола Красной Армии, преступной халатности 22 июня 41 года и особо – Жданову, виновному в гибели 2 миллионов ленинградцев, умерших от голода в блокаду.

Когда отцу что-то не нравилось, он совершенно не способен был отмалчиваться, сразу высказывался и весьма импульсивно. Так случилось в конце 1950-го, когда важная комиссия спросила о его отношении к политике партии (поражает, что тогда не было исполнено прямое требование Берии об удалении Альтшулера с объекта - «Об исполнении доложите. Срок 5 дней», см. в воспоминаниях Л.Д. Рябева), и в январе 1957-го на диспуте по книге Дудинцева, и в 1979-м при разговоре с генералом КГБ, замначальника директора ВНИИОФИ по режиму, и еще много, много раз.

Но однажды импульсивность, взрывчатость отца произвели некий мистический эффект, о чем он всегда рассказывал с огромным удовольствием. Сильно политизированный 1989 год – год Первого съезда народных депутатов. В московской квартире Л.В.А. случайный человек, пришедший к соседям и не заставший их дома, увидев на стене у отца фото А.Д. Сахарова, выступающего на Съезде, сказал пренебрежительно «Сахаров проданся большевикам». И в то же мгновение спокойно до того дремавшая у кровати собака Шарик вскакивает и вцепляется гостю в ногу, было много крови, Л.В.А. пришлось на время переквалифицироваться в фельдшера. Этого Шарика лет за 7 до того мой младший брат Миша, вместе с еще одним хорошим человеком, притащившим байдарку, спас со льдины посреди Москвы-реки – напротив Киевского вокзала; на многочисленных посетителей квартиры отца он внимания, как правило, не обращал, и вдруг такая реакция закоренелого демократа. Вряд ли Шарик понял смысл слов, произнесенных гостем, но, наверно, он воспринял «ударную волну» возмущения Л.В.А. и всю дальнейшую необходимую работу выполнил за хозяина.

Шарик закончил свой земной срок в декабре 1993 года в весьма преклонном и уважаемом собачьем возрасте. А еще в ноябре 1989 года Л.В.А. написал посвященные Шарикуну «Воспоминания и размышления пожилого физика», которые начинаются так:

«Кто занимает верхнюю ступень эволюционной лестницы, физики или собаки? До сих пор этот вопрос однозначно не решен.

Генрих Гейне, умнейший человек XIX столетия, в конце жизни писал: “Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак”. И по мнению Чапека “собака превосходит всех животных и человека силой чувств радости и печали”; “не могу себе представить, чтобы, скажем, священник от радости стал кататься по земле, махая руками и ногами в воздухе, когда с ним заговорит епи-

скоп”.

У нас разные люди относятся к собакам по-разному...».

Далее Л.В.А. рассказывает несколько эпизодов из жизни Шарика со своими ироническими в адрес «разных людей» комментариями, в т.ч. случай посещения ими Московского Дома Ученых. Весьма полный, отъевшийся на домашних харчах Шарик передвигался, немного переваливаясь с боку на бок, и часто сопровождал отца, когда тот ходил в окрестные магазины, а в этот раз увязался за ним на пути в Дом Ученых. Это примерно полчаса ходьбы – по подземному переходу через Садовое Кольцо напротив сталинской высотки МИДа и потом арбатскими переулками до Кропоткинской (ныне снова ул. Пречистенка). При этом никаких шлеек и поводков – бродячие псы, каковым Шарик был в юности, разбираются в машинах, переходах и светофорах лучше нас с вами. А когда они дошли до места, то стоящий при входе в ДУ вахтер заявил, что с собаками нельзя. На что отец невозмутимо разъяснил: «Вы заблуждаетесь, это никакая не собака, а мой самый талантливый аспирант».

По поводу рассказанного выше мистического эпизода Л.В.А. в этом своем труде пишет так:

«Ведь незадолго до этого случая я сказал одному академику, директору института, что если он плохо отзовется об Андрее Дмитриевиче, я приду в состоянии аффекта и дам ему по физиономии. Шарик тоже укусил в состоянии аффекта...».

И заканчивается это объяснение в любви такими словами:

«С Шариком можно шутить почти на любые темы, говорить о легкомысленном поведении его мамы, обсуждать религиозные вопросы. Он знает, что “принципами мы не поступаемся”. И не обижается. И всегда по утрам он приходит к кровати и тычетя носом в руки, грудь и щеку, и мы оба довольны. “Тогда расходитя в душе моей тревога... и в небесах я вижу Бога”». Шарик тоже видит бога, но не в небесах, а на кровати. И этот бог я. “Трудно быть богом?”. Нет, совсем не трудно».

И в заключение поделюсь одним из самых приятных воспоминаний детства. Мне лет десять. Отец обучил меня поднимать его утром с постели – тащить одеяло и вопить: «Подъем! Вставай, старый хрыч!».

*Б. Альтиулер
май 2009 г.*